

Михай Гаврилович Лазар

доктор философских наук, профессор
Российского государственного гидрометеорологического университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: mihai_lazar@mail.ru

Социология науки в Ленинградских секторах ИФ АН СССР в 60–70 годах XX века

В 1960–1970-е годы в СССР наблюдался настоящий бум в области науковедения, социологии науки. Причин этого много. Кратко их можно обозначить как пробуждение общественной мысли и возрождение социологии, начавшиеся с конца 1950-х годов, после критики культа личности Сталина верхушкой власти. Больше свободы мысли в СССР не стало, но после трех десятилетий изоляции советских ученых, после преследований социологии в 1930–1950-х годах, началось активное знакомство обществоведов с достижениями мировой философии, социологии и других дисциплин. Это ознакомление осуществлялось под обязательством критики буржуазной мысли в социологии и философии, ведь нельзя критиковать какие-то работы, не читая их. Кроме того, науковедческие исследования в Ленинграде, возродившиеся в конце 1950-х годов, продолжали те начинания в области науковедения, которые активно проводились в 1920–1930-е годы в городе на Неве и Москве — в тот период, когда Президиум Академии наук СССР, ее структуры находились еще в Ленинграде (Лазар, 2010: 167–175). На мой взгляд, это одна из причин, по которой Санкт-Петербург был и продолжает оставаться до сих пор значимым центром науковедческих исследований в России. Конечно, возрождение науковедческих исследований в эти годы осуществлялось в разных городах — оно связано также с именами московских и киевских философов, социологов: Г. В. Волкова, Г. М. Доброва, А. А. Зворыкина, М. М. Карпова, Б. М. Кедрова, В. Ж. Келле, Н. И. Родного, М. Г. Ярошевского и многих других.

В Ленинграде возрождение науковедения и утверждение социологии науки как его важнейшего направления связано с именами С. А. Кугеля, И. И. Леймана, И. А. Майзеля, Ю. С. Мелещенко, В. С. Соминского, их аспирантов и учеников. Именно в Ленинграде, начиная с конца 1960-х годов, проводилась Всесоюзная науковедческая конференция «Проблемы деятельности ученых и научных коллективов», проходившая в Ленинградском доме ученых на Дворцовой набережной и в здании ЛО ИИЕТ АН СССР. Эта конференция собирала науковедов со всего Советского Союза, материалы их выступлений печатались в сборнике с тем же названием, издававшемся силами руководства и сотрудников ЛО ИИЕТ АН СССР. Это направление, науковедение и социология науки, с конца 1960-х годов связано с активной научно-организаторской деятельностью С. А. Кугеля, его сотрудников и аспирантов, с организованной им Международной школой социологии науки и техники. Его вклад проанализирован в ряде работ (Ащеулова, 2010: 15–31; Кугель, 2006: 126–127).

Развитие социологии науки в эти годы, бесспорно, связано с возрастанием внимания к науковедению, которое наблюдалось с конца 50-х годов XX века в Институте философии АН СССР, но еще больше во вновь созданном в начале 1950-х годов

Институте истории естествознания и техники АН СССР, в котором был организован сектор социологии науки. В 1953 году было образовано его Ленинградское отделение, а немного позже, в конце 1960-х, — был организован сектор социологии науки под руководством С. А. Кугеля.

Однако от этого движения обществоведов в сторону социологической науки не отстал и Институт философии АН СССР, который в 1968 году на базе Ленинградской кафедры философии АН СССР организовал Ленинградские сектора Института философии АН СССР. В них **не философия, а социология занимала ведущее положение**. Сектора просуществовали вплоть до создания в 1975 году Института социально-экономических проблем (ИСЭП) АН СССР. Руководителем этих секторов был назначен ортодоксальный марксист, чл.-корр. АН СССР Б. А. Чагин, известный специалист по творчеству Г. В. Плеханова. Уже на базе секторов, под его руководством, в 1969 году сотрудники сектора истории русской социологии — кандидаты философских наук И. А. Голосенко, И. Г. Лиоренцевич, В. М. Зверев подготовили и издали первое в СССР солидное исследование «Очерки истории немарксистской социологии в России». И. А. Голосенко, впоследствии профессор факультета социологии СПбГУ и сотрудник Социологического института РАН, стал известным историком русской социологии, его со студенческих лет особенно интересовало творчество П. А. Сорокина. Вторым сектором — философских проблем биологии, руководил кандидат, а потом доктор философских наук, проф. А. С. Мамзин. В его секторе работала репрессированная в прошлом за изучение философских идей Венского кружка Т. Н. Горнштейн и два выпускника философского факультета С. А. Лебедев и Б. А. Фетисенко. Это был, по сути, единственный «философский» сектор. Третий, наиболее многочисленный — сектор философских проблем воспитания молодежи, работал под руководством доктора философских наук, профессора Анатолия Георгиевича Харчева, известного в то время в СССР и за рубежом социолога семьи и гендерных отношений, автора двухтомника «Семья и брак в СССР» (1964). Сектор А. Г. Харчева, в котором было несколько исследовательских групп, реально и преимущественно занимался социологией (труда, семьи, культуры, науки). В нем тогда работали известный социолог, профессор, будущий академик РАО И. С. Кон, выпустивший в 1969 году книгу «Социология личности», а потом множество других работ, посвященных проблемам личности, социологии гендерных отношений. Работал в нем и кандидат философских наук Э. В. Соколов, издавший в 1972 году «крамольную» по тем временам монографию «Культура и личность». Впоследствии он стал доктором наук и профессором в Институте культуры на кафедре истории и теории культуры, которой руководила профессор С. Н. Иконникова. Перед кончиной он издал в 1999 году авторитетную работу «Введение в психоанализ». «Свободным художником» по статусу работал в секторе А. С. Фомин, специалист по зарубежной философии науки, и многие другие, о которых речь впереди.

В этом секторе было несколько исследовательских групп: группа А. Г. Харчева, занимающаяся социологическими проблемами семьи и женщин в обществе. В ней работали ученик И. С. Кона кандидат философских наук С. И. Голод — будущий доктор наук и директор Санкт-Петербургского СИ РАН. Тогда его работы по гендерной социологии не встречали понимания властей, ему пришлось дважды защищать кандидатскую диссертацию. Завершали учебу в аспирантуре в начале 1970-х годов И. А. Громов, будущий доктор наук и профессор социологии, автор работ по истории европейской социологии; О. И. Иванов — будущий профессор факультета

социологии СПбГУ, специалист по социологии общественного мнения; В. Б. Голофаст — известный впоследствии методолог, работавший многие годы старшим научным сотрудником в ИСЭП АН СССР вместе с В. А. Ядовым, а потом, вплоть до своей ранней кончины, в Социологическом институте РАН. В этой группе работал и упомянутый выше Э. В. Соколов. После переезда А. Г. Харчева в Москву в 1972 году сектором философских проблем воспитания руководил кандидат философских наук, старший научный сотрудник И. И. Лейман. Напомню читателю, что профессор А. Г. Харчев, вице-президент Международной социологической ассоциации, видный советский социолог семьи и брака, стал в 1974 году основателем и главным редактором первого в СССР социологического журнала «Социологические исследования». Особое место занимал кандидат философских наук, старший научный сотрудник А. Н. Алексеев, репрессированный городскими партийными органами в последующие годы за «неправильные» выводы в сфере социологии труда. Ему просто запретили работать социологом, и несколько лет он был рабочим на Кировском заводе, где прежде проводил социологические исследования. Вместе со своим аспирантом А. Седовым он впервые в СССР изучал причины текучести кадров и конфликтов на производстве методом включенного наблюдения.

Последняя группа — кандидата философских наук, старшего научного сотрудника И. И. Леймана, занималась эмпирическими исследованиями научной молодежи. В науковедческой группе И. И. Леймана с 1969 по 1975 год, до перевода части сотрудников Ленинградских секторов в ИСЭП АН СССР, работали Е. И. Алексеева, Н. Р. Ерошина, Т. А. Бодня. С. Н. Труевцева, а с 1971 года и автор этих строк. Группа занималась теоретическим и эмпирическим изучением проблем профессиональной мобильности в науке, профессиональной социализации научной молодежи, изучением причин конфликтов в научных коллективах. Е. И. Алексеева и Н. Р. Ерошина были аспирантами И. И. Леймана. Тема Е. И. Алексеевой «Коммуникации в науке» по тем временам была уникальной и мало разработанной, а Н. Р. Ерошина занималась проблемой профессиональной социализации молодых ученых. Соискателями были оформлены младшие научные сотрудники его группы — М. Г. Лазар (тема — нравственные факторы регуляции научной деятельности, этика ученого) и С. Н. Труевцева (тема — студенческое волнения во Франции в 1960-х годах). Впоследствии защитили кандидатские диссертации лишь последние два соискателя. Видимо, перестройка научных интересов, связанная со сменой тематики сектора после перевода этих сотрудников в ИСЭП, помешала Е. Алексеевой и Н. Ерошиной продолжить свои изыскания.

В Ленинградских секторах ИФ АН СССР регулярно проходили научные семинары и обсуждения новинок по социологии, в нем реально осуществлялись профессиональная подготовка и повышение квалификации всех сотрудников в области социологии. Особо вспоминаются бурные, но свободные научные дискуссии на семинарах по социологии, на которых выступали не только рядовые сотрудники, но и известные социологи того времени: В. А. Ядов, И. С. Кон, А. Г. Харчев, О. И. Шкаратан, А. Н. Алексеев, а также и молодые кандидаты наук и аспиранты — С. И. Голод, Э. В. Соколов, В. Б. Голофаст, О. И. Иванов. Они вместе с сотрудниками социологической лаборатории В. А. Ядова, О. И. Шкаратана, сотрудниками сектора С. А. Кугеля, составили костяк ленинградской социологической школы, в которой происходило интенсивное знакомство с зарубежной социологией (американской, в первую очередь). Тогда, в 1960—1970 годы, были заложены основы сотрудничества ленинградской социологической школы с зарубежными социологами (американскими, польскими, болгарскими, немецкими и др.).

Переход Ленинградских секторов Института философии вместе с другими ленинградскими подразделениями социологических и социально-экономических академических институтов во вновь образованный ИСЭП АН СССР положил конец относительной свободе ленинградской социологической науки. Идея создания этого «карманного» для местных партийных органов академического «института народного хозяйства» принадлежала местной партийной власти: первому секретарю Ленинградского ОК КПСС Г. В. Романову и тогдашнему руководителю ЛО ИИЕТ АН СССР Ю. С. Мелешенко, приложившему немало организационных усилий по его созданию. Однако первый секретарь ОК КПСС Г. В. Романов предложил в качестве директора нового института своего кандидата — профессора-экономиста Г. Н. Черкасова. Для Ю. С. Мелешенко это было личное оскорбление, которого он не пережил — в результате сердечного приступа его не стало в 1972 году. Употребляю слова «конец свободы» для социологии в том смысле, что во многих ленинградских подразделениях центральных академических институтов реально проводились эмпирические социологические исследования как официально, так и подпольно, «в порядке личной инициативы», как говорят сейчас. Официальная тема была одна, а на деле проводились неофициальные параллельные исследования по темам, интересующим самих ученых. «Полуподпольное» занятие социологией закончилось вместе с образованием ИСЭП, из которого вскоре ушли О. И. Шкаратан, С. А. Кугель, а позже, после инсценировки местным КГБ «личного дела», и профессор В. А. Ядов, лидер ленинградской социологической школы. После В. А. Ядов работал несколько лет в ЛО ИИЕТ АН СССР, занимаясь социологией науки вплоть до его избрания директором Института социологии АН СССР. Но это происходило уже в «позднем» периоде власти М. С. Горбачева, в 1989 году.

На фоне описанных событий и на основе личных воспоминаний хотелось бы представить вклад и идеи другого участника этого по-настоящему науковедческого движения — сектора философских проблем воспитания, руководителем которого с 1972 года стал кандидат философских наук, старший научный сотрудник, доцент Иосиф Иосифович Лейман (1930–1990). Он закончил философский факультет ЛГУ в 1953 году, защитил кандидатскую диссертацию в 1967 году, работал преподавателем Ленинградской кафедры философии Академии наук СССР до отделения от нее в 1968 году Ленинградских секторов Института философии АН СССР. Ленинградские сектора, как и кафедра философии, находились тогда в здании Института русской литературы (ИРЛИ), или Пушкинского дома, на набережной Макарова. Сектора были расположены на 3-м этаже, рядом с кабинетом академика Д. С. Лихачева.

И. И. Лейман получил признание в качестве одного из ведущих ленинградских науковедов и социологов науки после выхода в свет его монографии «Наука как социальный институт», изданной в 1971 году в Ленинградском отделении издательства «Наука» (наиболее престижное в то время местное научное издательство). Его вклад в утверждение и признание социологии науки как заметной отрасли социологии и направления науковедения связан с этой монографией, в которой впервые наука рассматривается как социальный институт, то есть применяется институциональный подход для ее анализа. В работе он пространно анализирует понятие «социальный институт» применительно к науке. Причем в отличие от мертоновского подхода к понятию «социальный институт науки», который рассматривает науку преимущественно как систему специфических групповых норм и ценностей, И. И. Лейман добавляет в качестве существенного признака институционализации науки систему научных учреждений, а также систему управления научными организациями. «Говорить об институте также

невозможно без выделения определенных управляющих или командных звеньев или подразделений. Любые социальные институты не могут функционировать без большей или меньшей степени формально выделенных управляющих звеньев. Наконец, социальный институт включает в себя материальные учреждения, обеспечивающие отправление соответствующих функций института. Таким образом, под социальным институтом понимается объединение людей, выполняющих специфические функции в рамках социальной целостности и связанных общностью функций, а также традиций, норм, ценностей; объединение, обладающее внутренней структурой и иерархией и отличающееся особым устойчивым характером связей и отношений, как внутренних, так и внешних» (Лейман, 1971: 19–21). Именно за это отнесение к материальным средствам науки «техники, зданий, вычислительных центров, экспериментальных заводов и испытательных полигонов» (Лейман, 1971: 23) и критиковали тогда И. И. Леймана многие философы и социологи, бдительно следящие за тем, чтобы «не протащили в советскую социальную науку чуждую марксизму методологию», как выражались «защитники» чистоты марксизма в то время. К символическим средствам науки И. И. Лейман относил «научную терминологию, систему мер, научную символику... Логика и методология научного познания являются идеальными средствами науки. Наконец, в науке, исторически вырабатываются различные средства и способы контроля, оценки, санкции и система поощрений (ученые звания, защита авторских прав, борьба с плагиатом и т. п.)» (Лейман, 1971: 23, 24). Нельзя не признать продвинутость по тем временам такого теоретического подхода, как и смелость автора в трактовке понятия социального института науки. После 1971 года в советской социологии происходило многое, что подтверждает справедливость такой оценки. Я имею в виду судьбу А. Алексеева, Б. Грушина, Ю. Левады, В. Шляпентоха, В. Ядова и некоторых других, пострадавших за «нетрадиционные подходы» (читай — немарксистские подходы и выводы) при изучении социальной реальности в советской социологии.

В 1970–1972 годы группа И. И. Леймана провела социологические опросы молодых научных сотрудников (до 32 лет) ряда академических институтов Ленинграда и Риги по сходной программе, что позволило осуществить сравнительный анализ ситуации в Ленинграде и Риге. Опросы проводились в институтах АН СССР: в Институте физиологии им. И. П. Павлова, в Институте высокомолекулярных соединений, Институте химии силикатов, Институте цитологии и др. Некоторые из этих институтов исследовались и сектором С. А. Кугеля, что создало определенную напряженность и конкуренцию между этими двумя социологами науки в Ленинграде. Помню, как во время обеда в знаменитой столовой «академичке» (там ныне частный ресторан), рядом иногда обедали «леймановцы» и «кугелевцы», то есть сотрудники их секторов, после чего время обеда иногда намеренно изменялось обеими группами, но.... они снова встречались и мирно беседовали друг с другом.

Программой предусматривалось исследование процесса профессиональной адаптации молодых специалистов в науке, изучение профессиональной мобильности и ее причин, мотивации прихода в науку, степени совпадения или расхождения ожиданий от науки и реальных требований к работе, причин конфликтов в научных коллективах и других проблем функционирования науки (Лейман, 1971). Обработка полученного материала проводилась вручную. Среди некоторых результатов этого исследования можно выделить ответы, полученные на вопрос, «чем Вас привлекла научная деятельность?». Ранжировка полученных ответов такова: 1) творческий характер труда (34,69 %), 2) самостоятельное участие в решении проблем (16,54 %), 3) возможность

общаться с интересными людьми (12,61 %), 4) возможность проявить свои способности (9,74 %), 5) возможность повлиять на практику (5,89 %) и т. д. (Лейман, 1971: 139). Нельзя не заметить нетрадиционность ответов по тому времени. Надежды сотрудников и реальность их выполнения также не совпадали. Так, на вопрос о том, «какие представления о научной работе обманули ваши ожидания?» получены ответы: 1) переоценил влияние на практику (12,61 %), 2) неинтересные люди (11,37 %), 3) недооценил количество черного труда (10,74 %), 4) переоценил размеры оплаты труда (8,75 %) (там же). Они свидетельствовали о том, что образ ученого, сложившийся под влиянием вуза, семьи, знакомых, СМИ и других факторов, уже тогда не соответствовал реальности.

И. И. Лейманом были изучены также теоретические и практические проблемы научных коллективов, формальные и неформальные аспекты осуществления лидерства в науке, отношения «учитель—ученик» в науке, проблемы материального обеспечения и самочувствия сотрудников в научных коллективах, причины конфликтов в них. Среди причин конфликтных ситуаций в результате социологических опросов были выявлены следующие: 1) социально-психологическая несовместимость людей (грубость, невоспитанность, неумение вести себя, личная неприязнь, склока (36,6 %); 2) неумение руководителя осуществлять научное руководство, администрирование, некомпетентность (36,6 %); 3) недостатки в организации и разделении труда: нечеткое разграничение функций, споры из-за оборудования, рабочего места (26,8 %) (Лейман, 1971: 140). Эти и другие полученные результаты позволили И. И. Лейману сделать глубокие выводы о реальном состоянии советской науки того периода, ознакомить научную общественность с ее внутренними проблемами.

Результаты социологического изучения науки, полученные группой, были опубликованы во множестве статей, в изданных под научным руководством И. И. Леймана сборниках. Например, сборник «Молодежь: образование, воспитание, профессиональная деятельность» (Л., 1973), в котором опубликована моя первая научная статья, сборник «Социологические проблемы науки» (М., 1974), в котором также опубликована моя статья «Научный коллектив, его структура, типология и функции». Наша совместная с И. И. Лейманом статья «Мораль и наука. К вопросу о влиянии нравственных норм на эффективность научного исследования» была подготовлена для изданного в Софии в 1975 году советско-болгарского сборника докладов на XV Всемирном философском конгрессе в Варне (Болгария, 1974) «Человек и научная деятельность». Кроме того, были опубликованы многочисленные статьи в сборниках, изданных в Ленинграде, Риге, Каунасе и других городах.

Обращает на себя внимание терминология, употребляемая в публикациях И. И. Леймана и сотрудников его сектора. Хотя официальная тема сектора звучала *воспитание* молодежи, сотрудники писали о профессиональной и нравственной *социализации* молодых ученых, специалистов. Учитывая используемую терминологию, мы имеем основание утверждать, что И. И. Лейман и его сотрудники находились на передовом фронте науковедения, их публикации опирались на знание зарубежной науковедческой литературы. Этому способствовала и существующая тогда традиция в Ленинградских секторах Института философии — принимать на работу людей, активно читающих на иностранных языках, и реферирование иностранной литературы осуществлялось в секторе собственными силами. Сам И. И. Лейман отличался широкой общенаучной и философской эрудицией, он участвовал в создании первого в СССР «Словаря по этике», выпущенного под редакцией И. С. Кона в 1969 году в Москве.

Особого внимания заслуживает рабочая атмосфера в секторе И. И. Леймана — атмосфера повышенного внимания «шефа» к интересам и проблемам своих сотрудников, атмосфера доброжелательной критики, уважительного отношения сотрудников друг к другу и к «шефу», дух академического равенства в споре сотрудников разного ранга перед истиной, интеллектуальной толерантности. Он оказывал реальную помощь в решении житейских проблем многим сотрудникам. Это внимание к сотрудникам проявилось и в момент ликвидации секторов и их частичного перевода в ИСЭП АН СССР. И. И. Лейман, в отличие от других заведующих Ленинградскими секторами ИФ, заботился о судьбе и устройстве не только всех своих сотрудников, которых порекомендовал к переводу в новое учреждение, но и взял в новый сектор в ИСЭП АН СССР одного из сотрудников сектора Б. А. Чагина — И. Г. Лиоренцевича и несколько человек из бывшего сектора социологии науки С. А. Кутеля — аспирантку из Молдавии и научных сотрудников О. М. Волосевича и И. Г. Васильева.

Следует отметить, что после 1975 года заниматься социологией науки в ИСЭП И. И. Лейману и его сотрудникам можно было лишь прикрываясь официальной тематикой — изучение методологических проблем научно-технической революции, ее социальных последствий. Это и объясняет название следующей монографии, написанной И. И. Лейманом в соавторстве с автором этих строк, считающим себя учеником И. И. Леймана: «НТР и нравственные факторы научной деятельности» (отв. ред. В. А. Ядов. Л.: Наука, 1978). Первая глава книги о НТР была написана И. И. Лейманом на основе материалов сектора, она посвящена научно-технической революции, ее сущности и направлениям, на этом фоне мною были представлены этические проблемы современной науки. Подзаголовок книги — «Очерки этики науки» — был принят издательством «Наука» с большим трудом, ведь тогда термины «этика науки», «профессиональная этика ученого» вызывали раздражение цензуры. Однако, на мой взгляд, вызывали раздражение не термины, а идея, лежащая в основе книги и моей кандидатской диссертации на тему: «Профессиональная мораль как фактор регуляции научной деятельности», научным руководителем которой был И. И. Лейман. А именно: деятельность ученых регулируется не только правовыми нормами и коммунистической моралью, но и профессиональной моралью (этикой) ученых, которая способна диктовать совести ученого решения, противоречащие официальной политике властей и коммунистической идеологии. Как в кандидатской диссертации, так и затем в книге проводилась мысль о том, что профессиональная мораль ученых способна стать основой для самоконтроля в науке, составной частью деятельности профессиональной организации ученых. А это недопустимо было в принципе, ведь все сферы жизнедеятельности, в том числе и наука, должны быть подконтрольны только «коммунистической партии и советскому правительству», а значит идея нравственного, профессионального самоконтроля в науке — крамольна. Неслучайно Советская социологическая ассоциация признала необходимость разработки и принятия своего профессионального этического кодекса лишь в 1989 году, в период поздней перестройки, после того как в журнале «Социологические исследования», в № 5 за 1988 год была опубликована статья М. Г. Лазара, Б. М. Фирсова, В. А. Ядова «Профессиональная мораль в социологии» и предложен первый профессиональный кодекс социолога. В 1989 году ССА не только приняла такой кодекс, но и образовала Комиссию по профессиональной этике при правлении Советской социологической ассоциации.

Официальная тематика, которой занимались сотрудники сектора, руководимого И. И. Лейманом в ИСЭП АН СССР, нашла отражение в коллективной монографии сотрудников «Общественное развитие и НТР. Очерки методологии исследования»

(Л.: «Наука», 1982), в которой основательно и всесторонне проанализировано данное явление. В этот период среди публикаций по социальным проблемам науки можно отметить опубликованную в сборнике «Духовная жизнь развитого социалистического общества» (1985) статью «Наука в системе духовной жизни общества», в которой подводятся итоги науковедческих исследований.

Однако руководство ИСЭП под давлением местных партийных органов задало иную направленность исследованиям сектора, в которых не было места социологическому исследованию науки. В год ухода из ИСЭПа, в 1980 году, автор этих строк отказался от предложенной директором института И. С. Сиговым темы «Массовое научно-техническое творчество» — одной из идеологических мифологем советского периода.

Вместе с тем, следует отметить, что атмосфера академизма, равноправной и свободной дискуссии, уважения достоинства младших, начинающих ученых, атмосфера творческого, активного научного поиска, заложенная И. И. Лейманом в секторе Института философии, продолжала существовать и в секторе ИСЭП, руководимом им. Он заботливо относился к людям, ценил аспирантов по их реальному вкладу и отдаче, вокруг него всегда роилась научная молодежь, он создавал необходимый для зарождения научной школы морально-психологический климат. Но... рано ушел из жизни, не успел ни защитить докторскую диссертацию, ни создать свою школу, некоторые предпосылки которой в середине 1970-х годов были.

Все вышеизложенное дает основание утверждать, что в период становления теоретической и эмпирической социологии науки в 1960–1970 годы Ленинградские сектора Института философии АН СССР внесли весомый, заметный, но, к сожалению, не оцененный пока еще вклад не только в общую социологию, но и в теоретическую и практическую социологию науки. Конкуренция между сектором С. А. Кугеля в ИИЕТ АН СССР и сектором И. И. Леймана в ИФ АН СССР имела, видимо, не только положительные стороны — подстегивала обоих к более решительным шагам и новым исследованиям, но и отрицательные, пока неисследованные. Хотя нередко случается, что параллельные исследования по близкой проблематике двух научных коллективов в разных организациях дают положительный эффект.

Литература

Ащеулова Н. А. Социология науки в Ленинграде — Санкт-Петербурге: от истоков до современности // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1. № 1. С. 15–31. [Ashaulova N. A. Sotsiologiya nauki v Leningrade — Sankt-Peterburge: ot istokov do sovremennosti // Sotsiologiya nauki i tekhnologiy. 2010. T. 1. № 1. S. 15–31.]

Кугель С. А. Заметки социолога. СПб., 2006. С. 126–127. [Kugel' S. A. Zametki sotsiologa. SPb., 2006. S. 126–127.]

Лазар М. Г. Социология науки в России: 20–30 гг. XX в // Ученые записки РГГМУ. 2010. № 12. С. 167–175. [Lazar M. G. Sotsiologiya nauki v Rossii: 20–30 gg. KHKH v // Uchenyye zapiski RGGMU. 2010. № 12. S. 167–175.]

Лазар М. Г. Социология и этика науки в России: прошлое и настоящее. СПб., 2012. 261 с. [Lazar M. G. Sotsiologiya i etika nauki v Rossii: proshloye i nastoyashcheye. SPb., 2012. 261 s.]

Лазар М. Г., Лейман И. И. НТР и нравственные факторы научной деятельности. Л.: Наука, 1978. С. 138. [Lazar M. G., Leyman I. I. NTR i нравstvennyye faktory nauchnoy deyatel'nosti. L.: Nauka, 1978. S. 138.]

Лейман И. И. Наука как социальный институт. Л., 1971. [Leyman I. I. Nauka kak sotsial'nyy institut. L., 1971.]